

Гусаров Д. Я.
Цена человеку



ЦГБ Петрозаводск



80463956

~~105 - 18/VII~~

~~310 1910~~

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ

обозначенного здесь срока

992 20/VII	618 - 19/VII
504 - 5/IX	363 - 4/XI
170 - 10/II	640 27/2
129 - 11/IV	329 24/1 1597
936 - 5/8	
110 - 1/VI	694 - 10/III

~~24 - 24.02~~
70



С(кар)
Г96

2

ДМИТРИЙ ГУСАРОВ

ЦЕНА
ЧЕЛОВЕКУ

РОМАН

ГОРОДСКАЯ
БИБЛИОТЕКА № 7

47047
47047

КАРЕЛЬСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПЕТРОЗАВОДСК 1963

2000

Художник

А. В. СЕМЯШКИН

ВМЕСТО ПРОЛОГА

I

*Свердловск, Пролетарская, 13. обще-
житие, ком. 10. Курганову В. А.*

На Ваш запрос отвечаем:

1. Возвращаться Вам в наше распоряжение не следует. Если Вы годны к дальнейшему прохождению службы, то призвать на военную службу Вас может райвоенкомат по месту Вашего жительства.

2. Сандружинница Рантуева Ольга Петровна 17 апреля 1944 года отчислена из партизанского отряда «Народные мстители» и ее настоящее местонахождение нам неизвестно.

3. Почему никто из отряда не отвечает Вам на письма, Вы как бывший партизан должны легко догадаться, если следите по сводкам Совинформбюро за событиями на Карельском фронте.

*Пом. начальника отдела кадров ШПД
на Карельском фронте — Лейтенант адми-
нистративной службы*

(Кармакулов)

7 августа 1944 года.

II

*Министру социального обеспечения
Карело-Финской ССР*

Как бывший командир партизанского отряда «Народные мстители» ходатайствую о разрешении назначить в порядке исключения пенсию сыну партизанки Рантуевой Ольги Петровны за погибшего отца, командира отделения разведзвезда Кочетыгова Павла Васильевича.

Рантуева О. П. вступила в партизанский отряд с момента его организации и на протяжении почти трех лет

безупречно и самоотверженно выполняла долг сандружинницы. Награждена орденом Красной Звезды. В апреле 1944 года в связи с беременностью была отчислена из отряда, и в октябре этого же года у нее родился сын.

Рантуева О. П. не состояла в законном браке, но все в отряде знали о ее долголетней дружбе с командиром отделения разведвзвода Кочетыговым П. В., который героически погиб в боях за Родину, был трижды представлен к правительственной награде и в последний раз посмертно к ордену Красного Знамени.

Понимаю, что согласно Указу от 8 июля 1944 года, Рантуева, своевременно не зарегистрировавшая свой брак, имеет право лишь на пособие как мать-одиночка. Однако, учитывая боевые заслуги как самой Рантуевой, так и ее внебрачного мужа, ходатайствую о назначении пенсии ее сыну за погибшего отца, так как верю, что если бы жив был Кочетыгов П. В., то их брак с Рантуевой О. П. был бы позднее зарегистрирован. Считаю нужным сообщить, что о моем настоящем ходатайстве сама Рантуева О. П. не знает.

*Председатель Тихогубского райисполкома,
бывший командир партизанского отряда
Орлиев Т. З.*

Апрель 1945 года.

III

*Председателю Тихогубского рай-
исполкома тов. Т. З. Орлиеву*

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА

Довожу до Вашего сведения, что назначенная по распоряжению Министерства соцобеспечения пенсия за погибшего отца сыну Рантуевой О. П. Рантуеву Р. О., проживающему в дер. Войттозеро, в размере 200 рублей матерью не получается. Невостребованные переводы вот уже сколько месяцев лежат на почте и возвращаются обратно, внося путаницу в ведение дел, а сама Рантуева на наше письмо ответила, что пенсию получать не будет.

*Заведующий райсобесом
Макишев*

Август 1945 года.



ЧАСТЬ ПЕРВАЯ



Faint, illegible text at the top of the page, possibly a title or introductory paragraph.

Several paragraphs of very faint, illegible text in the middle section of the page.

Large, faint, mirrored text (possibly bleed-through or a watermark) in the lower middle section, appearing as "PACT" and "PACT" in reverse.

Faint, illegible text at the bottom of the page, possibly a signature or footer.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

В гостинице свободными оказались лишь номера «люкс». Денег было в обрез, и Виктор отошел от окошка, но встретив выжидающий взгляд Лены, сидевшей в вестибюле на чемодане, снова направился к администратору.

Пожилая администраторша, позевывая в ладонь, предупредила:

— Только на два дня. Послезавтра республиканское совещание, «люксы» понадобятся... — Свернув паспорта с листками прибытия, она спросила, указывая на паспорт Лены: — Это кто, жена?

— Жена.

— Предъявите брачное свидетельство.

— Зачем? — удивился Виктор. — Разве отметки в паспортах вас не устраивают?

— Предъявите брачное свидетельство, — повторила администраторша.

Ее беспрекословный тон задел Виктора.

— А если у нас нет этого ценнейшего документа? Забыли дома... Что тогда? — с издевкой улыбнулся он.

— Гражданин Курганов! Вашу иронию оставьте при себе! Мужчину и женщину я имею право прописать в один номер лишь при наличии у них брачного свидетельства. А тем более, у вас разные фамилии. Вы человек с образованием и должны понимать, что к чему.

— Редкостное гостеприимство! Начинается прямо с подозрений!.. — Виктор повернулся к жене: — Лена, достань брачное свидетельство!

Настроение было испорчено. Если бы не жена, он сейчас поспешил бы очень просто. Забрал бы документы и ушел в трест дожидаться начала рабочего дня. Но Лена... Еще в вагоне она мечтала о том, как они впервые проведут день или два в гостинице незнакомого города. Детская романтика, вычитанная из книг! В жизни все выглядит грубее, жестче.

Вскоре все формальности были закончены. Администраторша, протягивая ордер, примиряюще улыбнулась подшедшей к окошку Лене:

— Колкий у вас муж.

Как только за горничной захлопнулась дверь двухкомнатного, отделанного под карельскую березу «люкса», Лена принялась наводить порядок. По-своему застелила широкие, красного дерева кровати, переставила тумбочки, убрала с письменного стола стекло, которое, по ее убеждению, допустимо лишь в учреждениях.

Виктор, сидя в мягком кресле, молча наблюдал за ее тщетными стараниями превратить шикарный, но казенный до последней мелочи номер в уютный по-домашнему уголок, и все тверже приходил к убеждению, что они должны уехать из Петрозаводска сегодня же. В любой район, в любое захолустье, но только туда, где он будет иметь интересную работу и свою, пусть самую скромную, квартиру! Конечно, Лене будет трудно в лесном поселке, она всю жизнь прожила в большом городе, но у нее такие ловкие старательные руки, такое доброе сердце, что ее все будут любить, и это скрасит ей жизнь. Она сама в вагоне мечтала о жизни в глуши, среди лесов и медведей, хотя ни того, ни другого еще не видела. Конечно, это романтика! Она мечтает о чем угодно и обо всем с одинаковой восторженностью.

Когда-то и он был таким. Но его романтику развеяла война. Там некому было заботиться о постепенности возмужания, там не было для этого ни времени, ни условий. Там учила сама жизнь, суровые и опасные партизанские будни, где малейшая ошибка стоила слишком дорого.

А возможно, Лена лишь делает вид, что с радостью поедет в лесную глушь. Может, она лишь готовит себя заранее к наихудшему? Сам он часто поступает так. Если впереди выбор, то лучше укрепиться в мысли, что тебе выпадет самое плохое. Предвиденное плохое лучше неожиданного...

— Чем ты расстроен? — Лена присела на валик кресла. — Смотри, как чудесно стало у нас, особенно в гостиной.

— У нас?! — усмехнулся Виктор и быстро заговорил: — Знаешь, здесь, в Петрозаводске, живет бывший комиссар нашего отряда. Может, мне сходить к нему?

— Конечно, надо зайти, а как же?

— Нет, ты меня не поняла, — поморщился Виктор. — Он крупный партийный работник, чуть ли не заведомо ЦК, понимаешь?

— Так что ж из этого. Ему тоже приятно будет увидеть тебя. Ты тоже вырос: был мальчишка, девятиклассник, а теперь инженер! Это даже интересно, как он встретит тебя. Я очень хотела бы посмотреть!

В ее голосе было столько гордости за него, что Виктор обнял Лену и, глядя жесткие, как бы звенящие под рукой волосы, вздохнул:

— Глупышка ты моя! Разве в интересе дело. Разве в том, чтобы посмотреть...

2

Они познакомились четыре с половиной года назад, когда Виктор учился на первом курсе лесотехнической академии.

23 февраля, в день Советской Армии, Виктор в числе других участников войны должен был выступать с воспоминаниями на традиционном студенческом вечере.

Полгода почти никто в академии не знал, что во время войны он был партизаном. Фронтвики-студенты часто рассказывали такие случаи из военной жизни, что девушки только ахали и восторженно смотрели на своих однокурсников. Нередко ему тоже хотелось рассказывать, но он молчал, с удовольствием слушая товарищей и чутьем отделяя правду от невнятного домысла.

И вот накануне праздника новый секретарь комитета комсомола, встретив в коридоре Виктора, сказал:

— Курганов, ты завтра тоже выступаешь, как бывший партизан. Хватит уклоняться!

Фронтвики пришли на вечер «в полном параде». В вытуженных, но уже потершихся офицерских кителях,

с орденами и медалями, они собрались на ярко освещенной сцене актового зала.

У Виктора не было кителя. В черном шевиотовом костюме он почувствовал себя на сцене как-то неловко и, скрывшись от глаз секретаря, уселся в зале.

Вечер долго не начинался. Волнение и беспокойство с каждой минутой все сильнее охватывали Виктора. Он даже не заметил, как рядом с ним села девушка в коричневом форменном платье школьницы. Когда он впервые повернулся к ней, девушка привстала:

— Простите.. Я, может быть, заняла ваше место?

Ее растерянность позабавила Виктора.

— На своем месте я сижу сам...

— Да?.. Спасибо.

Девушка, чувствуя на себе его взгляд, смущалась, то и дело отворачивалась в сторону. Ее выющиеся золотистые волосы искрились под ярким светом люстр, а на тонкой по-детски нежной шее трепетно пульсировала чуть заметная под кожей жилочка.

«Школьница!» — подумал Виктор. Ему вдруг стало приятно, что рядом с ним сидит вот эта стеснительная девушка, и в то же время немного грустно, что эта девушка — школьница, что здесь, в академии, она, наверное, случайно, и что он видит ее в первый и последний раз.

Прозвенел звонок, и вечер начался. Это был тщательно подготовленный и по-военному четко проведенный вечер.

После короткого доклада заведующего кафедрой военной подготовки один за другим к трибуне подходили бывшие летчики, танкисты, пехотинцы. Разные люди, разные судьбы, разные эпизоды... Всех с интересом слушали, но на третьем или четвертом выступлении Виктор неожиданно подумал, что все речи чем-то похожи одна на другую. Да-да, именно похожи, словно рассказывал все это один человек, послуживший и в пехоте, и в авиации, и на флоте.

Ответ пришел сразу же. Каждый выступавший читал заранее написанный текст, каждый, наверное, так же, как и Виктор, не спал ночь, писал свое выступление, потом сокращал, втискивая в регламент. И каждый начинал с общей части — о тридцатилетнем пути Советской Армии, о ее выдающихся победах.

В кармане у Виктора, вместе с орденом Красного Знамени и медалями, лежали листки с текстом подготовлен-

ного им выступления. Оно, конечно, кое-чем отличалось от других: Виктору предстояло говорить о партизанах. Но и его выступление начиналось с истории создания Красной Армии, с Нарвы и Пскова.

«Не нужно этого! Это было в докладе! Надо другое — конкретное, яркое, запоминающееся... Может, меня и не вызовут? Хорошо, если бы не вызвали!» — подумал он, искоса посмотрев на свою соседку. Та чуть ли не раскрытым ртом ловила каждое слово выступающих, и в ее голубых, слегка сощуренных глазах светилась такая неподдельная гордость за сидящих на сцене фронтовиков, что Виктор уже пожалел, что не сел в президиум.

Он достал орден и, нагнувшись, прикрепил его к лацкану пиджака.

— Слово предоставляется бывшему партизану, студенту первого курса Курганову!..

Выхватив из кармана листок с текстом, Виктор стал пробираться к сцене, на какое-то мгновение поймав удивленный взгляд соседки.

Виктор не привык выступать, а сейчас сотни глаз смотрели на него, ждали его первых слов. Он не различал людей, и взгляд его никак не мог на ком-либо задержаться. Виктор молчал. Хотелось сказать такое, что не было бы похожем на те торжественные, по праздничному приподнятые, но слишком общие речи, которые еще звучали в ушах.

Но что он мог рассказать?

Там, где он воевал, героизм и мужество нельзя было измерять количеством спущенных под откос эшелонов или взорванных мостов. Не было там ни обширных партизанских районов, ни многотысячных отрядов и бригад. В памяти, — прежде всего, далекие, невероятно тяжкие походы, бесконечные леса, горы, болота. Сотни верст пути, и один-два взорванных моста на редких в тех краях шоссеях. Месяц физических мучений, и всего лишь несколько уничтоженных машин врага.

— Начинай, Курганов! — услышал он встревоженный шепот секретаря комитета.

«Тебе легко, — начинай!» — мысленно возразил ему Виктор.

И вдруг он решился. Да-да, он расскажет о человеке, которому обязан своей жизнью, о Павле Кочетыгове, отважном разведчике из Войттозера. Почти два года жили

они бок о бок, ели из одного котелка, их всегда и везде видели вместе. Их считали друзьями... Странная была дружба! Павел, в чем-то завидуя Виктору, часто подсмеивался, даже нередко унижал его. Так было до той мартовской ночи, когда они оба ценой жизни должны были спасти отряд.

Только тогда Виктор понял, что такое настоящая партизанская дружба.

Скомкав листок с речью, Виктор оперся локтями на кафедру и, с трудом подняв глаза на сидящих в зале, тихо произнес:

— Мне довелось воевать в Карелии. Я тоже хочу рассказать о мужестве, о героизме. Я расскажу о партизанах... О карельском парне — комсомольце Павле Кочетыгове...

Виктор сделал паузу. По напряженной тишине понял, что слушать будут, и это воодушевило его.

Он уже как бы перенесся в далекие карельские леса, в край озер и болот. Он говорил о крохотном селении Войттозеро, которое видел лишь один раз и то ночью. Из этой деревни в партизанском отряде были трое: два комсомольца и командир отряда Тихон Захарович Орлиев. О школьных годах Павла Кочетыгова Виктор знал от Оли Рантуевой, но говорил об этом, словно рос вместе с ним. Он ни разу не назвал Павла своим другом, но говорил о нем так, что всем было понятно, что так можно говорить об очень близком человеке. Это понравилось слушателям.

Лишь в самом конце Виктор растерялся. Он начал рассказывать о последних минутах жизни Павла. Ночь, лес, минные поля на побережье. Отряд, наткнувшись на засаду, отходит вдоль берега. Близится утро. Если не вырваться, не уйти за озеро, отряд днем погибнет. Виктор делает проход в минном поле. Дорога каждая минута. Проход уже готов. Осталось последнее. На середине озера — остров. Есть ли там огневые точки врага? Если есть, то разведчикам надо вызвать их огонь на себя, чтобы отряд смог уйти стороной.

Виктор умолкает, упирается взглядом в кафедру. Он сам никогда, никому не рассказывал, что произошло у них с Павлом в эти последние минуты. Может быть, рассказать сейчас? Его поймут, ведь он не виноват ни в чем...

И вновь, как и много раз прежде, слова застревают в горле. Потом, потом... Обо всем случившемся он расска-

жет Орлиеву, или Дорохову, или любому другому партизану из их отряда, кто знал историю их странной дружбы с Павлом.

— В общем... Павел вызвал на себя огонь финских дзотов. Он погиб...— с трудом произнес Виктор и замолчал.

Люди ждали от него еще чего-то. Он это понял, посмотрев в зал. Совсем тихо, как бы доверяя свои мысли лишь президиуму и первым рядам, Виктор добавил:

— В том бою меня тоже ранили. Сразу же, в начале боя. После госпиталя я уже не вернулся в отряд. Война в Карелии шла к концу... Память о Павле Кочетыгове будет вечно жить у каждого, знавшего его. А для меня она определила мою судьбу... На его родине лес — главное богатство. Он кормит людей... Наверное, поэтому я решил стать инженером-лесозаготовителем.

Резко повернувшись, Виктор сошел в зал. Несколько мгновений стояла тишина, а потом раздались такие дружные аплодисменты, что Виктор даже вздрогнул. Они продолжались до тех пор, пока он не уселся на место.

Соседка, глядя на него восторженными глазами, хлопала дольше всех.

— Вы замечательно выступили! Просто замечательно!

Виктор, покраснев, пробормотал что-то в ответ и стал пристально смотреть на сцену, где секретарь произносил заключительное слово.

Через минуту соседка тихо тронула его за рукав:

— Мой папа тоже был партизаном... Погиб где-то под Лугой. Как вы думаете, можно найти его могилу?

Виктор знал, что партизанскую могилу найти почти невозможно, но ему жаль было девушку.

— Трудно, но можно, пожалуй. Нужно отыскать кого-либо из его товарищей.

— А вы не скажете, куда лучше обратиться?

Виктор принялся объяснять. Девушка благодарно кивала головой и все время не сводила глаз с ордена Красного Знамени, выглядевшего особенно внушительно на лацкане черного костюма.

Так они познакомились.

Лена училась тогда в десятом классе и жила неподалеку от академии, где ее тетя работала библиотекарем. Осенью она поступила в университет, а через три года они поженились.

Вечер, посвященный годовщине Советской Армии, определил в жизни Виктора не только его семейные дела. Его выступление стало сказываться на его судьбе помимо его воли.

Для всех выпускников день распределения на работу — день волнений, тревог, беспокойства. Еще задолго до этого студенты бегают, суетятся, советуются, смотрят карты, справочники, улещивают секретаря в деканате в надежде выведать, куда ожидаются назначения. Виктору не пришлось испытать этого. За месяц до распределения декан факультета, встретив его в коридоре, протянул руку и, хитровато усмехаясь, спросил:

— Ну, как, не надумали оставаться в аспирантуре?

— Нет. Поеду в лес.

Декан, и удивленный, и довольный, потряс ему еще раз руку:

— Ну, что ж. Это хорошо. Поедете на свою партизанскую родину, в Карелию. Есть несколько заявок оттуда. А через годик-другой будем рады видеть вас в аспирантуре.

— Спасибо.

...Характеристика и автобиография, хранящиеся в личном деле каждого выпускника, делали свое дело. Виктор был твердо убежден, что и здесь, в тресте, прежде всего обратят внимание на то, что он партизанил в войттозерских лесах.

Так оно и случилось.

ГЛАВА ВТОРАЯ

1

Вечером, возвращаясь из лесосеки в поселок, начальник Войттозерского лесопункта Тихон Захарович Орлиев впервые ощутил приближение старости. Велик ли подъем на Кумчаваару — всего каких-нибудь двести метров. Раньше Тихон Захарович, ни разу не отдыхая, всходил на каменистую, поросшую мхом вершину с одинокой, крижистой сосной у ската в сторону Войттозера. А сейчас — на полпути тяжестью налились ноги, и усталость щемящей болью отдалась в сердце. Пришлось остановиться,

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
Вместо пролога	3
Часть первая	5
Часть вторая	89
Часть третья	185
Часть четвертая	297

Редактор *А. И. Кликачев*
Оформление художника *А. В. Семяшкина*
Художественный редактор *Р. С. Киселева*
Технический редактор *Л. В. Шевченко*
Корректор *О. И. Дегутис*

Сдано в набор 7/VIII 1963 г. Подписано к печати 15/XI 1963 г. Е—01557. Бумага 84×108^{1/2}. 12,25 печ. л. 20,09 усл. печ. л. 21,01 уч.-изд. листа. Издат. № 130. Тираж 100 000. Заказ 1036. Цена 86 коп.

Карельское книжное издательство, Петрозаводск, пл. им. В. И. Ленина, 1
Сортавальская книжная типография Управления по печати при Совете
Министров КАССР. Сортавала, Карельская, 42

